В новом кооперативном

В 63-м квартале правобережного района появился новый многоэтажный дом. По внешнему виду он почти как и все другие. Внимание к себе он привлекает тем, что построен на кооперативных началах.

Давайте пройдем познакомимся с новоселами.

В 23-й квартире поселилась семья каменщика цеха ремонта промышленных печей Александра Александровича Корнилова.

— Мы очень довольны своей квартирой, — говорит Александр Александрович. — Кооперативное строительство очень удобно и выгодно для застройщиков. Вот, например, я, — продолжает хозяин квартиры, — хотел купить индивидуальный дом. Приценился. Просят не менее пяти тысяч рублей. Без отопления, без воды. Решили записаться в кооператив. И не жалею. Прошло девять месяцев и получил хорошую, как видите, двухкомнатную квартиру. Уплатил 1700 рублей, остальные 2359 уплачу в течение пятнадцати лет.

То, что Александр Александрович назвал квартиру шикарной, не лишено смысла. Дом построен по индивидуальному проекту. Комнаты раздельные, стены в ванной и уборной выложены кафельной плиткой, на кухне никелированные смесители, цвет при побелке стен, подбирался по желанию застройщиков.

В двухкомнатной квартире проживает работник третьего листопрокатного цеха Иван Васильевич Зинченко. Он тоже доволен кооперативным строительством.

В новом доме справили новоселье аппаратчик газоочистки аглоцеха № 3 Талхат Мухамедиев, кузнец кузнечно-прессового цеха Николай Филиппович Шпатаковский, подручный миксерового второго мартеновского цеха Владимир Васильевич Скоробогатов, вырубщики обжимного цеха Александр Николаевич Носов, Владимир Иванович Крашенинников и многие другие работники комбината.

— Выгодно для государства и для жильцов еще и тем, — вступает в разговор Александр Корнилов, — что такое строительство ведется более качественно. Сами застройщики контролировали.

Все, кто записался в кооперативное строительство этого дома, никто не остался в обиде. У всех хорошее благоустроенное жилье. А если кто вдруг задумает выехать из города, он может сдать квартиру и получить деньги обратно.

Сейчас у жильцов этого дома горячая пора. Они озеленяют территорию двора, сажают фруктовые деревья.

И. НАДЕИН.

НАШ ФОТОКОРРЕСПОНДЕНТ ПОСЕТИЛ КВАРТИРУ № 38, ГДЕ ПРОЖИВАЕТ СЕМЬЯ ПОМОЩНИКА МИКСЕРОВОГО МАРТЕНОВСКОГО ЦЕХА № 2 В. В. СКОРОБОГАТОВА, И СФОТОГРАФИРОВАЛ НОВОСЕЛОВ — ЖЕНУ МАРТЕНОВЦА АЛЕКСАНДРУ СПИРИДОНОВНУ И СЫНА ЛЕОНИДА. «КООПЕРАТИВНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО — ЭТО ЗДОРОВО», — ГОВОРИТ ХОЗЯЙКА НОВОЙ КВАРТИРЫ. Фото Е. Карпова.

НА ТЕМЫ БЫТА, МОРАЛИ

С ПРОТЯНУТОЙ РУКОЙ

В приемной начальника Правобережного ЖКО народу собралось порядком — управляющие домами, бухгалтера, работники отдела. Переговаривались приглушенными голосами, словно боялись потревожить спокойствие руководителя.

— Попадет нам сегодня на рапорте, — тихо говорит один домоуправ другому. — План не выполнили, просрочка большая...

— И у нас тоже неважно. Ходим с протянутой рукой, клянчим, а неплательщиков много. И ведь какие, живут хорошо, пользуются всеми коммунальными благами, а за квартиру платят неаккуратно.

Одна осторожно спрашивает у секретаря, кивнув в сторону кабинета начальника:

— Как, злой сегодня?

— Злой, — лаконично ответила секретарша.

И вот начался рапорт. Начальник ЖКО Александр Петрович Каширский действительно был «злой». Причина тому основательная — план по квартплате многими домоуправлениями не выполнен, просрочка растет.

На рапорте состоялся очередной разнос домоуправам и бухгалтерам. Тем, кто не добился выполнения плана, досталось, как говорится, по первое число.

С очередного «разноса» многие и пожилые и молодые труженицы (надо заметить, домоуправами и бухгалтерами в ЖКО работают, как правило, женщины) расходились со слезами: как будто все делали, старались, а плана нет. А на второй день снова просматривали список неплательщиков и снова шли с «протянутой рукой».

...Квартирная плата в нашей стране по праву считается самой низкой в мире. Она не превышает 8—10 процентов семейного дохода жильца, а во многих случаях составляет 3—4 процента. И квартиры не какие-нибудь халупы или трущобы, а со всеми удобствами: горячая и холодная вода, ванна, газ, тепло, светло, просторно. Черпай, труженик, блага из общественного котла, пользуйся ими в свое удовольствие. И черпают.

Но по-разному. Одни, вселившись в благоустроенную квартиру, ежемесячно не забывают платить за нее. Таких абсолютное большинство. Другие, чтобы «черпать», отхватили большие ложки, по 9 квадратных метров жилья на члена семьи. А вот платят за эти квадраты с большими потугами, в общественный котел капают в день по капле.

Да и эти капли от них «выпрашивают» бухгалтера и управляющие домоуправлений. Ходят с «протянутой рукой» к одному и тому же квартиронанимателю в месяц по несколько раз. А те нередко перед ними даже двери не открывают, словно перед какими-то попрошайками.

Трудится электриком в обжимном цехе Иван Дмитриевич Чумин. Из 4 членов семьи работают трое, и только один иждивенец. Бюджет семьи составляет около четырехсот рублей в месяц.

— Живет не бедно, — говорят работники домоуправления № 95. — Зайдешь в квартиру, и глаза разбегаются от ковров, картин, разных украшений. А вот за квартиру, 13 рублей в месяц, пока десять раз не сходишь, не уплатит.

За богатство упрекать, безусловно, не будем, трудовые деньги — живи в полном довольствии. А вот в совести Чумина следует покопаться, есть ли она у него, возможно, ее затянуло жиром стяжательства.

К таким же злостным неплательщикам можно отнести Коровина Бориса Сергеевича — слесаря электросети, Шакина Александра Борисовича — электросварщика из листопрокатного, инженера управления главного механика А. Е. Моисееву, старшего инженера УКСа В. Г. Собянина, заместителя начальника цеха электросети П. А. Байдерина, мастера коксохима Н. С. Плешкова, начальника смены четвертого листопрокатного цеха В. П. Судью. Вот к ним-то и ходят с протянутой рукой работники домоуправлений.

Все нарушители коммунистической морали в трудовых коллективах получают достойное возмездие. Пьяницы, хулиганы, прогульщики, мелкие воришки выводятся на чистую воду, держат ответ перед общественностью. А вот злостный неплательщик за квартиру нередко остается незамеченным в коллективе, где он трудится. Хотя он тоже попирает нормы коммунистической морали, не выполняет своего священного долга перед обществом, которое так щедро к нему.

Не пора ли их, этих злостных, поставить на суд общественности? Их единицы и не стоит перед ними ходить с протянутой рукой скромным, но честным труженицам.

П. ГОРИН.

МЫСЛИ О КОМСОМОЛЬСКОЙ ЖИЗНИ

Пусть закаляется сталь

Мне кажется, будет здорово, если этот разговор начнем мы, комсомольцы Магнитки. Разговор этот давно назрел...

Часто нам приходится слышать от наших старших товарищей примерно такие слова: «Как тоскливо у вас теперь проходят собрания... У нас, бывало, до рукопашной доходило... А у вас и собрания, и вообще...».

Очень много нехорошего в этом «вообще». Если отбросить парадные фразы и говорить, положа руку на сердце, то придется-таки признать: современному Комсомолу кое-чему следует поучиться у своего брата — Комсомола тридцатых—сороковых годов. Несмотря на все могучие цифры, цифры для комсомола — не то, не главное так же как и собрания — хотя многое начинается именно с этих собраний.

...Как бы поступили комсомольцы тридцатых годов, если бы какой-нибудь пижон осмелился сказать: «Плевал я на вас!». Догадаться нетрудно: поставили бы ему под глазами что следует... А сейчас такие «лозунги» иногда звучат совершенно безнаказанно. И не так уж редко... В прошлом году за систематическую неуплату членских взносов из рядов ВЛКСМ были исключены работники заводской лаборатории Потапова и Пасечная. Они откровенно заявляли, что работать в комсомоле не хотят. Ох, уж эти членские взносы! Из-за них-то кое-кто из молодежи сейчас идет в комсомол с явной неохотой. «Зачем? Только лишняя трата денег...» О каком «огоньке тридцатых годов» может идти речь, если пребывание в комсомоле такими расценивается как «лишняя трата денег»?!

Вот тут-то мне хочется поспорить с товарищами тридцатых годов. Есть у нас комсомольский огонек! И были у нас собрания, на которых дело доходило «до рукопашной». Такие, то есть собрания, на которых мы укладывали наших идейных противников «на обе лопатки»...

Когда это было?

Осенью 1956 года.

Тогда, после важных постановлений партии, кое-какая морально-разложившаяся нечисть решила, что пришел ее час, и стала вылезать из щелей на свет божий со своим жизненным «кредо». Я тогда был студентом в Москве и хорошо помню, как в перерывах между лекциями у нас ходили «по рукам» порнографические стихи, отпечатанные на машинке, как после лекций стихийно, сами собой вспыхивали собрания — настоящие митинги — и до белого каления мы спорили об абстракционизме, о венгерских событиях, о Советской Армии и о том, нужно ли каждый день читать газеты... И наши старшие товарищи могли быть спокойны за нас: кому нужно, доставалось как следует...

Так продолжалось до тех пор, пока партком института не решил проявить активное вмешательство. По его распоряжению был снят номер стенгазеты, в котором второкурсники физико-химического факультета провели своего рода дискуссию об импрессионизме в живописи. После этого и на собраниях и всюду опять воцарились тишь, да гладь, да общие словопрения...

Хорошо ли это? Если не дать человеку высказать свое «наболевшее», то это «свое» может прорваться внутри, как нарыв, не вскрытый вовремя. Ходит человек на собрания, слушает слова—слова-то хорошие, правильные, да отвлеченные, бездушные — и постепенно такой человек свыкается с мыслью, что слова о коммунизме, романтике, комсомольском огоньке — это одно, а жизнь, которая его окружает, — это другое. Кого мы воспитываем таким образом? Обывателей!

Нет, не только по цифрам чугуна и стали нужно оценивать работу комсомольской организации. Чугун и сталь—это дело всего народа, а у комсомола есть, кроме того, свои, особые обязанности, по ним-то и нужно судить о комсомоле.

Воспитание молодежи! Воспитание нашего будущего! Это не слова. Здесь комсомолу нужно предоставить, по-моему, больше прав, больше инициативы.

Ведь воспитание начинается с горячих, откровенных разговоров и споров о том, что волнует каждого. Именно каждого! Не нужно бояться, что кто-нибудь выскажет «не наши» мысли. Не нужно бояться борьбы мыслей, ведь в такой борьбе и рождается истина! Борьба — это огонь, без которого нет закалки. Пусть комсомольская сталь шестидесятых годов закаляется так же, как закалялась сталь двадцатых и тридцатых! Разве будет лучше, если наш комсомольский активист окажется потом беспомощным в идейной схватке с каким-нибудь подлецом-паразитом?!

Нужно, чтобы каждый комсомолец чувствовал, что другие комсомольцы для него — не просто товарищи, а друзья, которым можно, как говорится, раскрыть душу настежь. Нужно, чтобы каждый не комсомолец чувствовал, как ему стыдно и обидно оттого, что он не в комсомоле.

И еще нужно, чтобы наш комсомол основательно проверил свои ряды. Пусть полетят ко всем чертям всякого рода «пассивные», те, для кого комсомол—«трата денег»... и иже с ними. Такие «комсомольские суды» уже проводились во многих организациях страны зимой 1955—56 годов, перед обменом комсомольских документов.

— Все ли комсомольцы на самом деле, или только комсомольца корчат? — так был поставлен вопрос тогда и так, мне кажется, не лишним было бы поставить его теперь. Не просто — как ты работаешь или учишься, а для чего ты работаешь и учишься, чего ты добиваешься в жизни, что у тебя за душой? Достоин ли ты быть в комсомоле?

Было бы очень здорово, если бы этот разговор начали мы, комсомольцы Магнитки.

Н. ХУДОВЕКОВ, инженер, член ВЛКСМ.